

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

[ГОДЪ ПЯТЫЙ.]

Выходятъ еженедѣльно по воскресеньямъ. Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою, равно и безъ пересылки и доставки 6 руб.

№ 44.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи, въ г. Астраханн.

4-го ноября 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Разныя Извѣстія.

— **Перемѣщенъ:** согласно прошенію и. д. псаломщика Лебяжинской Покровской церкви, Астраханскаго уѣзда, Кипріянь *Никольскій* на такую же должность къ Солодушинской Покровской церкви, Царевскаго уѣзда. (26 Октября).

— **Исключенъ изъ списковъ:** умершій заштатный священникъ Іоаннь *Ацетовъ*. (13 Октября).

— **Праздныя мѣста:** *настоятелей* при церквахъ: Бережновской Покровской, Царевскаго уѣзда, и Княжевской Казанской, Впотаевскаго уѣзда, и псаломщиковъ при церквахъ: Ноннъ-Ширинской Миссіонерской Николаевской, Черноярскаго уѣзда и Лебяжинской Покровской, Астраханскаго уѣзда.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

НЕКРОЛОГЪ

(МИХАИЛЬ ЛУКИЧЪ КУСТОДИЕВЪ.)

12 мѣсячнаго Октября, въ пятницу, въ 3 часа по полуночи, скончался преподаватель Астраханской духовной семинаріи Михаилъ Лукичъ *Кустодіевъ*, на 37 году отъ роду, послѣ кратковременной, но быстро развившейся болѣзни — скоротечной чахотки, а 14 октября, въ воскресенье, происходили его похороны. Къ 8-ми часамъ утра этаго дня собрались въ квартиру покойнаго почитателя его памяти, чтобы присутствовать при выносѣ тѣла. — Выносъ тѣла совершалъ о. ректоръ семинаріи протоіерей П. А. Поповъ. Онъ же совершалъ, въ сослуженіи съ нѣкоторыми изъ градскихъ священниковъ, заупокойную литургію и отпѣваніе въ Христорожественской градской церкви, въ приходѣ которой покойный квартировалъ. Довольно помѣстительный храмъ переполненъ былъ народомъ. Не простое, праздное, безотчетное любопытство, которое такъ часто движетъ многихъ на подобныя зрѣлища, а особенно на погребеніе богатей, привлекло сюда. Покойный не былъ богатъ богатствами вещественными; онъ былъ богатъ только дарами духовными, которыми и дѣлился съ молодыми людьми, для которыхъ эти дары должны быть выше и дороже золота и серебра, какъ сокровище, не предающееся тлѣнію, поврежденію и уничтоженію. Въ массѣ народа преобладающее большинство составляли воспитанники и воспитанницы тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ покойный преподавалъ уроки по русскому языку, теоріи словесности, исторіи русской литературы и логикѣ. Кромѣ воспитанниковъ семинаріи, тутъ были воспитанники реальной гимназіи вмѣстѣ съ своимъ высокопочтеннымъ начальникомъ А. Б. Петерманомъ и наставниками и воспитанницы Маріинской женской гимназіи съ главнымъ своимъ начальникомъ, директоромъ классической гимназіи М. И. Рубцовымъ, старшею надзирательницею Е. В. Фишбахъ и другими надзирательницами и учительницами.

За литургію, во время причащеннаго, произнесено было воспитанникомъ семинаріи VI класса поученіе, а во время самаго отпѣванія произнесена была рѣчь о. ректоромъ, а также произнесены были рѣчи и нѣкоторыми воспитанниками семинаріи. (*)

(*) Всѣ рѣчи, сказанныя на похоронахъ М. Л., печатаются вслѣдъ за симъ.

Трогательно было видѣть, съ какимъ не поддѣльнымъ чувствомъ грусти эта молодежь прощалась съ своимъ бывшимъ наставникомъ. На лицахъ многихъ изъ этихъ молодыхъ слушателей и слушательницъ лекцій покойнаго можно было видѣть не притворно и обильно лившіяся слезы. И стоялъ того виновникъ этой печали. Онъ постоянно и, можно сказать, безъ устали работалъ на пользу этой молодой братіи, къ которой относился, при томъ, всегда съ самымъ искреннимъ и живымъ сочувствіемъ и благожеланіемъ.

Покойный Михаилъ Лукичъ—сынъ діакона родомъ изъ Саратовской епархіи. Первоначальное образованіе получилъ въ Саратовской семинаріи, изъ которой въ 1859-мъ году перешелъ въ Астраханскую, по случаю назначенія брата его С. Д. Н. наставникомъ Астраханской семинаріи. Въ 1862 году М. Л. какъ лучший воспитанникъ, посланъ былъ прямо изъ философскаго класса для высшаго образованія въ Казанскую духовную академію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1866-мъ году. Службу свою началъ онъ въ Симбирской семинаріи, куда назначенъ былъ преподавателемъ по классу словесности и латинскаго языка. Мелѣе года пробылъ онъ въ Симбирскѣ. При преобразованіи Астраханской семинаріи въ 1867-мъ году, покойный перешелъ въ послѣднюю, принявъ на себя въ оной преподаваніе теоріи словесности, исторіи литературы и логики. Занимаясь въ семинаріи, онъ въ тоже время въ теченіи почти двухъ лѣтъ (1873—1875) преподавалъ въ Астраханскомъ духовномъ училищѣ русскій и церковно-славянскій языкъ. Оставивъ въ 1875 году занятія въ училищѣ, онъ принялъ на себя преподаваніе русской словесности въ Астраханской Маріинской женской гимназіи; а съ открытіемъ реальнаго училища въ Астрахани, взялъ нѣсколько уроковъ русскаго языка въ этомъ училищѣ. Дѣятельность его во всѣхъ названныхъ заведеніяхъ была неутомима, вполне добросовѣстная и безукоризненная. Краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ этаго служить то сочувствіе къ покойному, которое выразилось на похоронахъ со стороны его учениковъ и ученицъ. И начальство не забывало его трудовъ. По представленію мѣтнаго Преосвященнаго въ 1870 году, онъ удостоенъ былъ благословенія Св. Синода за отличную и ревностную службу, а въ 1876 году Всемилостивѣйше за такую же службу награжденъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени. Послѣ покойнаго остались вдова, двѣ дочери, изъ которыхъ старшей 8, а младшей 6 лѣтъ и сынъ одного года.

Р Ъ Ч Ь

на погребеніе преподавателя Семинаріи, Михаила Лукича Кустодіева.

При видѣ такого многочисленнаго собранія родныхъ, друзей, почитателей и знакомыхъ покойнаго, пришедшихъ помолиться за упокоеніе его души и отдать ему послѣднее цѣлованіе, любопытные изъ незнакомыхъ, вѣроятно, не разъ спрашивали: кого хоронить? Званшіе покойнаго отвѣчаютъ: хоронимъ наставника семинаріи Михаила Лукича Кустодіева. Но любопытныхъ, привычныхъ видѣть достоинства человѣка во вѣнности, вѣроятно, такой отвѣтъ не удовлетворяетъ. Имъ бы хотѣлось знать: богатъ ли онъ былъ, имѣлъ ли онъ чинъ большой, власть большая ли была у него, велико ли онъ оставилъ послѣ себя наслѣдство.. Что мы на это скажемъ? Скажемъ, что богатъ онъ не былъ, ни власти, ни чина большихъ у него не было. За что же, спросить, такой почетъ? Можетъ быть остался послѣ него домъ, пароходъ, виноградникъ? Ничего не осталось. Домъ, въ которомъ вы видите покойнаго, купленъ уже послѣ его жизни, да и тотъ онъ уноситъ съ собой... Оставилъ онъ свою домовитую подругу жизни, которая для него была дороже всякаго корабля, куплю дѣющаго; оставилъ онъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей, которые, какъ новосаженія масличная, были украшеніемъ и утѣхою окрестъ скромной трапезы его. Отъ родителя, сельскаго діакона, унаслѣдовалъ онъ только силу крѣпкую съ добрымъ обычаемъ къ труду, да и та неизношенная подкосилась такъ не ожиданно!

Но, слуш., покойный оставилъ для общества большое наслѣдство. Онъ болѣе двѣнадцати лѣтъ былъ учителемъ въ здѣшней семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько лѣтъ учительствовалъ въ маріинской женской гимназіи, а также и въ новооткрытой реальной гимназіи. Вотъ наслѣдство его, какъ результатъ его трудовъ, куда перешло: оно перешло къ учившемуся и учащемуся молодому поколѣнію всѣхъ сословій здѣшняго общества. Этотъ капиталъ, который онъ вложилъ въ мысль и чувство молодого поколѣнія, долго не исчезнетъ, онъ сдѣлается достояніемъ жизни многихъ, будетъ передаваться отъ одного къ другому, переходить изъ рода въ родъ.

Дѣло учителя—великое дѣло, работа честнаго наставника—многотрудная; но только большею частію эта трудовая сторона дѣла остается для общества незримую. Покойному по видимому не тяжело было ходить въ классы, носить и выносить тетрадки, слушать и говорить съ учащимися. Но обратито

вниманіе на внутреннюю сторону дѣла, на самый психическій процессъ работы мысли и тогда вы увидите, что честное выполненіе обязанности наставника — дѣло тяжелое. И неумолимая статистика средней возрастной жизни людей, занимающихся наукою, находитъ недолговѣчнымъ: она приравниваетъ жизнь людей науки къ жизни величайшихъ труженниковъ въ обществѣ. Дѣйствительно, тетрадки, которыя носилъ покойный, не тяжелы, но тяжело то, что каждое слово честнаго наставника должно быть полно мысли, тяжело то, что мысль часто бываетъ непослушной для того, чтобъ быть ей попятною молодымъ слушателямъ. Здѣсь нужна безкорыстная любовь, которая бы проникала и самую мысль, сообщаемую учащимся и обнимала бы ихъ самихъ. Эта то вотъ внутренняя работа надъ содержаніемъ мысли и желаніе ясно и полно передать ее учащимся, чтобъ возвести ихъ до отчетливаго пониманія своей мысли, до усвоенія ея всѣми силами души, до проведенія ея въ жизнь и составляетъ тяжелую и большею частію незримую работу въ дѣлѣ обученія. Эта работа неотвизлива: она преслѣдуетъ честнаго труженника въ классѣ, на пути, въ обществѣ, въ семьѣ. По этому — то люди науки часто кажутся нечуждыми, они иногда и въ семьѣ бывають какъ бы чужды интересамъ семьи.

Но это постоянное тяготѣніе къ своему дѣлу часто незримо для людей, и такіе труженники могутъ находить побужденіе къ своей дѣятельности только въ любви къ дѣлу и утѣшеніе только въ своемъ внутреннемъ сознаніи. Для наставниковъ въ большинствѣ случаевъ ждять впереди нечего: ни повышеній, ни увеличенія матеріальныхъ средствъ, ни даже надежды обезпечить свое семейство въ случаѣ безвременной кончины. У наставниковъ семинарій нѣтъ никакихъ эмеритуръ, никакихъ попечительствъ.

И вотъ это — то горькое сознаніе безпомощности и постояннаго враженія на одномъ и томъ же мѣстѣ можетъ развитъ поверхностное отношеніе къ дѣлу, пренебреженіе къ нему и только одна самоотверженная любовь къ дѣлу можетъ укрѣплять ослабѣвающую энергію. Но если при этомъ еще замѣчается со стороны учащихся невниманіе, недовѣріе, разсѣянность, то дѣло обученія еще болѣе осложняется по своей трудности.

Учащееся молодое поколѣніе! *Почитайте наставниковъ вашихъ и покоряйтесь имъ*, потому что въ этомъ заключается и ваша и ихъ польза. Вы своимъ вниманіемъ и послушаніемъ будете поддерживать въ нихъ энергію, любовь къ дѣлу и къ вамъ самимъ; ваша готовность съ охотою

уевольть сообщаемое наставниками будетъ ободрять ихъ, облегчать самое дѣло и сохранять здоровье ихъ, которое не замѣтно для васъ иногда гибнетъ отъ вашего нерадѣнія и не послушанія. Иногда наставникъ только въ усердіи учащихъ и находить побужденіе для своей дѣятельности. Не лишайте же честныхъ труженниковъ этого послѣдняго утѣшенія!

Вотъ въ чемъ, слуш., заключается трудная работа дѣла обученія! И покойный съ честію и достоинствомъ проходилъ дѣло своего служенія. Онъ не зналъ отдыха, ему какъ бы и хворать — то было некогда. Его все привыкли видѣть за дѣломъ, или съ поспѣшностію бѣгущимъ на дѣло. Но и во время самаго пути его не оставляла мысль о дѣлѣ: такъ онъ часто вслухъ разсуждалъ самъ съ собою, размахивая руками и не обращая вниманія на мимоидущихъ.

Да, покойный любилъ свое дѣло. Но онъ любилъ и свое семейство. Мысль о необезпеченности семейства побуждала его искать работы внѣ семинаріи, и вездѣ, нужно сказать, охотно принимали его услуги, потому что онъ, при своей педагогической опытности, всегда относился честно къ дѣлу. И вотъ, можетъ быть, эта — то непосильная и такой сильной натурѣ работа такъ преждевременно сломила его крѣпкое здоровье. И въ этомъ стремленіи къ многотрудной дѣятельности у покойнаго не было ни тѣни тщеславія, ни личныхъ корыстныхъ желаній; но единственнымъ побужденіемъ была любовь къ дѣлу и къ семейству.

Да, онъ много возлюбилъ и вѣрно слово Спасителя, ему много отпустился на судъ Божиимъ, Судъ Божій неизмѣримо милосердѣе суда человѣческаго! И, если мы, все знающіе покойнаго, не можемъ найти даже камня, который бы можно было бросить въ осужденіе покойному, то несомнѣнно вѣруемъ, что усопшій нашъ братъ слышитъ теперь уже ободряющія, милосердыя слова Спасителя: *ни Азъ тебе осуждаю* (Іоан. VIII. II).

Вотъ кого мы хоронимъ: честнаго труженника въ дѣлѣ образованія юношества, оставившаго все свое умственное наслѣдство въ средѣ молодого поколѣнія здѣшняго общества и не усѣвшаго подѣлиться своимъ богатствомъ съ своими дѣтьми, которые по малолѣтству не способны были выстѣять въ себѣ это драгоцѣнное наслѣдіе. Матеріальнаго же наслѣдства у покойнаго для сколько нибудь сноснаго обезпеченія будущности семейства не осталось.

Но, горюющая подруга жизни нашего усопшаго брата, не преподавайся безутѣшной скорби! *Возверзи печаль твою на Господа и той пре-*

читаетъ ты. Если Господь Богъ печется о маленькихъ птичкахъ и о послѣдней былинкѣ въ полѣ, то вѣрь, что онъ не оставитъ твоихъ малютокъ безъ своего милосердаго промышленія. А въ воспоминаніи о своемъ сиротскомъ дѣтствѣ ты можешь находить для себя и утѣшеніе и надежду въ той увѣренности, что и міръ не безъ добрыхъ людей.

П. П.

ПОУЧЕНІЕ,

произнесенная во время за упокойной литургіи, за причастнымъ стихомъ.

Тяжелое, горькое чувство овладѣваетъ сердцемъ человѣка, когда онъ видитъ, что свѣжая, здоровая и полная силъ жизнь внезапно подкапывается неумолимою рукою смерти. Еще тяжелѣе и горше бываетъ у насъ на душѣ, когда мы лишаемся въ почившемъ роднаго и близкаго намъ существа, жизнь котораго могла бы служить намъ на пользу. Въ такія тяжелыя минуты жизни невольно приходятъ на память слова псалмопѣвца: „*скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть?*“

И при такихъ воспоминаніяхъ еще дороже и милѣе становится для человѣка его собственная жизнь. Для каждаго изъ насъ тяжела мысль рано или поздно разстаться съ этою жизнью; каждый изъ насъ въ большей или меньшей степени привязанъ къ временному бытію. Какъ отрѣшиться отъ узъ, привязывающихъ насъ къ земному? Какъ разстаться съ тѣмъ, къ чему мы стремились и что приобрѣтали едва не цѣлый вѣкъ? Умереть, оставить самыя вождѣланныя стужанія, — лечь въ гробъ, не взявъ съ собою ничего, кромѣ изнеможденнаго тѣла — мысль ужасная! Тутъ остаются родные, тутъ — веселыя общества знакомыхъ, тутъ — ясное небо, Божій свѣтъ; а мы должны сойти въ мракъ уединенной могилы!.. Эта любовь къ жизни не уничтожается въ насъ и тогда, когда всѣ ея радости и удовольствія исчезаютъ отъ нашихъ глазъ, когда она дѣлается поприщемъ ужасныхъ страданій и не возвратимыхъ потерь, когда нашъ стѣпенный путь до самыхъ предѣловъ вѣчности не представляетъ ничего, кромѣ мучительнаго томленія. Всѣ любятъ жизнь! Любить жизнь и несчастный, лишившійся родителей, жены, дѣтей имуществъ, любить и нищій, не имѣющій насущнаго хлѣба, одежды и крова; любить жизнь преступникъ, осужденный на тяжкія работы, любить жизнь, наконецъ,

и тотъ, для котораго нѣтъ ни радости, ни надежды въ этой любимой жизни. Для чего же Премудрый Творецъ возжегъ въ нашей природѣ этотъ не угасимый огонь любви къ земному бытію? Для чего мы желаемъ и должны жить? Отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ въ своей разумно-свободной душѣ, безкопечныя стремленія которой къ безсмертной, вѣчной жизни указываютъ намъ, гдѣ наше истинное отечество. Какъ страннику пріятно смотрѣть на тотъ путь, который ведетъ къ мирнымъ селеніямъ отцевъ его, такъ и намъ дорога земная жизнь потому, что она есть необходимый путь, ведущій къ вѣчнымъ, блаженнымъ обителямъ Отца Небеснаго.

Но путешественникъ стремясь къ своей родинѣ, старается идти по прямой дорогѣ, боится сбиться съ прямого пути; такъ и послѣдователь Христовъ обязанъ твердо держаться пути Божія, который, между прочимъ, состоитъ въ честномъ и добросовѣтномъ исполненіи возложенныхъ на человѣка обязанностей.

„Кійждо во своемъ званіи да пребываетъ“, учитъ Апостоль, потому что въ каждомъ званіи человѣкъ можетъ и долженъ приносить пользу. Мы вѣримъ и надѣемся, что почившій наставникъ нашъ „отгиде въ домъ вѣка своего“ (Евк. 12, 5) именно этимъ прямымъ путемъ — честнымъ и добросовѣтнымъ исполненіемъ возложенныхъ на него священныхъ обязанностей.

Призваніемъ почившаго была наука. Ей онъ посвятилъ все силы своей души, все время своей жизни, въ дѣтствѣ и юности онъ самъ учился, что бы приготовить изъ себя хорошаго учителя, чтобы во всеоружіи выступить впоследствии на дѣло научнаго служенія. И безплодны были его труды, если онъ былъ признакъ способнымъ сдѣлаться наставникомъ другихъ. Самые лучшіе годы своей жизни посвятилъ онъ учрежденію, служащему разсадникомъ богословской науки. Свидѣтелями его ревности въ дѣлѣ этаго служенія его благодарные ученики, силотившіеся тѣною толпою подлѣ его гроба. Преподавая намъ ученіе о законахъ человѣческаго мышленія, теорію словесности и исторію литературы, онъ не только требовалъ сознательнаго, критическаго отношенія къ преподаваемому имъ, но и старался возбудить въ насъ любовь къ этимъ предметамъ. Знакома насъ съ художественными произведеніями поэзіи, онъ старался дать правильное понятіе объ этомъ искусствѣ. Истинный смыслъ и пользу этаго искусства указывалъ онъ въ томъ, что оно за тревожною, часто оскорбляющею насъ дѣйствительностію, открываетъ намъ иной порядокъ вещей, въ которомъ нѣтъ противорѣчій, въ которомъ диссонансъ сливается въ гармонію. Во время своихъ уроковъ, онъ умѣлъ возбуж-

дать въ насъ вниманіе и интересъ къ тому, что преподавалъ. Своими личными качествами онъ заслужилъ отъ воспитанниковъ любовь и уваженіе, въ силу которыхъ они навсегда оставятъ о немъ свѣтлое воспоминаніе въ своихъ сердцахъ.

Теперь въ послѣдній разъ созвалъ насъ почившій для того, чтобы возвѣститъ намъ свое послѣднее наставленіе; безъ участія слова, но выразительнѣе и убѣдительнѣе всякаго краснорѣчія, онъ какъ бы такъ говорить намъ: „безопасно и неожиданно можетъ коснуться и васъ жало смерти; по этому, если сердце ваше еще не чисто, если земной прахъ не смытъ еще съ души вашей: то пусть каждый изъ васъ воспользуется своею жизнію, какъ драгоценнымъ временемъ, остающимся для покаянія, — но не забудьте помолиться и обо мнѣ“.

Почившій наставникъ нашъ! Прости намъ все, чѣмъ мы, быть можетъ, огорчили тебя. Христосъ Спаситель да упокоитъ душу твою во царствіи своемъ! Усердная молитва объ этомъ есть священный долгъ нашъ! Аминь.

Воспитанникъ VI класса Иванъ Григорьевъ.

РѢ Ч Ъ,

произнесенная послѣ заупокойной литургіи, предъ началомъ отпѣванія.

Печальное и трогательное зрѣлище представляеть намъ, слушатели, этотъ гробъ и вся церемонія нынѣшняго дня!

Предъ нами гробъ уважаемаго и такъ любимаго всеми наставника здѣшней семинаріи, Михаила Лукича, недавно еще бодрого, веселаго, дѣятельнаго и съ пользою трудившагося въ дѣлѣ образованія питомцевъ нашего края... И вотъ онъ, который еще такъ не давно, занимая кафедру словесности, трудился надъ воспитаніемъ юношества въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ нашего города, — теперь, сраженный тяжкимъ недугомъ, лежитъ бездыханенъ и мертвъ предъ нами во гробъ, окруженный скорбными лицами своихъ юныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, приходившихъ отдать своему любимому наставнику послѣдній долгъ, сказать ему послѣднее „прости!“....

И пусть бы это случилось подъ конецъ его земнаго поприща, когда, такъ сказать, сама необходимость уже требуетъ разлуки съ землею жизнію, когда силы и способности челоука, по закону самой природы, неволью отказываются служить и требуютъ своего успокоенія! Но нѣтъ!.. Не такъ было суждено нашему любимому наставнику!.. Гробу ему суждено было явиться

въ то самое время, когда почивающій въ немъ лишь только вошелъ въ полную силу своей педагогической дѣятельности.

Однако многолѣтнее образованіе, полученное имъ въ молодыхъ лѣтахъ, не осталось безъ плода для отечества и въ этотъ сравнительно не большой тридцати-лѣтній періодъ его дѣятельности въ дѣлѣ образованія юности... Онъ уже и такъ много принесъ пользы для нашего края....

Столь неожиданная и преждевременная кончина его поразила всѣхъ знающихъ его и въ большемъ количествѣ собравшихся сюда воздать ему послѣдній долгъ. Да, не часто можно видѣть такую явную любовь и уваженіе со стороны знаемыхъ — къ сроднику или другу, со стороны питомцевъ — къ своему наставнику, какія мы видимъ нынѣ въ лицѣ всѣхъ, оплакивающихъ преждевременную кончину его, какъ воспитанниковъ и воспитаницъ — питомцевъ его, такъ и со стороны здѣшняго общества... Это значитъ, что жизнь этого трудолюбиваго педагога, заботившагося о духовномъ благѣ другихъ, была плодоносна, хотя и не продолжительна....

Не буду много распространяться о жизни и дѣятельности нашего любимаго наставника, Михаила Лукича; — она хорошо извѣстна каждому, кто знавалъ покойнаго. Какъ бывший ученикъ его, скажу только, что слово его было всегда просто, прямо, живо, искренне, чуждо той изысканной мягкости и изворотливости, которою обыкновенно отличается слово людей, ищущихъ похвалы себѣ, а не пользы слушающихъ. Кто зналъ этого честнаго труженника науки, тотъ ни когда не забудетъ его пріятнаго, симпатичнаго лица, дышавшаго благородствомъ, привѣтливостью и снисходительностію къ другимъ!..

Короче, онъ жилъ не для себя, а для другихъ. Онъ не заботился о своемъ покоѣ, и ничто не могло остановить его многочисленныхъ трудовъ для блага и пользы ближняго ни нездоровье, ни собственные заботы, ни опасеніе безуспѣшнаго труда...

И — такъ искренна, такъ дѣйствена была любовь его къ ближнему, что повольно заставляла забывать разстояніе, отдѣлявшее его отъ другихъ, и во всѣхъ возбуждала къ себѣ ту же любовь и уваженіе....

Чѣмъ же однако мы почтимъ послѣднее пребываніе его среди насъ? — Почтимъ его не столько похвальнымъ словомъ о его добрыхъ качествахъ и дѣяніяхъ, сколько усердною молитвою объ успокоеніи души его. Искренняя, теплая молитва, исходя изъ сердца, проходитъ небеса, низводитъ благословеніе Божіе на всякаго почившаго въ вѣрѣ, оказываетъ такое дѣйствіе, ка-

торое остается на всю вѣчность.

Вознесемъ же и мы, слушатели, теплую молитву Господу Богу о новопреставленномъ рабѣ Божиѣмъ *Михаилѣ* да упокоитъ Господь Богъ его „въ мѣстѣ свѣтлѣ, мѣстѣ златѣ, идѣже вси святии упокоиваются“!...

Воспитанникъ V класса В. Каменновъ.

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная послѣ прощанія съ покойнымъ, предъ выносомъ тѣла изъ храма.

Позволь мнѣ, дорогой нашъ наставникъ, сказать тебѣ отъ лица всѣхъ твоихъ питомцевъ послѣднее слово!

Мы собрались воздать тебѣ послѣдній долгъ и сказать: прости! Какъ тяжело слышать и говорить слово „прости“ и притомъ—навѣки дорогому наставнику—однихъ и многоуважаемому знакомому—другихъ! Кто ожидалъ, что скорая смерть разлучитъ насъ съ тобою? Давно ли ты, дорогой нашъ наставникъ, былъ здоровъ и бодръ и духомъ и тѣломъ? Давно ли мы слышали изъ устъ твоихъ слова наставленія и утѣшенія? Давно ли съ тобою сказаны слова: до свиданія, — скоро увидимся? Нѣтъ! вѣрно ты уже предчувствовалъ, что настаетъ для тебѣ время оставить всѣхъ насъ. Исполнилось твое предчувствіе:—ты умеръ, смерть сомкнула твои уста и на вѣки закрыла твои глаза!....

Что же сказать о тебѣ, дорогой нашъ наставникъ?—Я ничего не могу сказать о тебѣ, кромѣ хорошаго; а это я говорю потому, что ты сдѣлалъ одно только хорошее и едва ли изъ насъ найдется такой, который сталъ бы говорить противное.

Да, въ жизни и характерѣ нашего дорогаго наставника много было такихъ особенностей, которыя не только въ глазахъ воспитанниковъ, но и въ глазахъ другихъ, заслуживаютъ большаго вниманія и достойнаго подражанія. При своей даровитости, и учености, онъ обнаруживалъ преимущественно одну черту,— это примѣрную прямоту и правоту характера. Въ силу этого онъ всегда безпристрастно относился ко всему, соглашался только съ тѣмъ, что ясно и твердо признавалъ правильнымъ и истиннымъ и нестѣснялся высказываться противъ всякаго мнѣнія, которое казалось ему малоосновательнымъ и ложнымъ.

Какъ наставникъ, — покойный всегда добросовѣстно относился къ своему дѣлу, всегда ясно и отчетливо преподавалъ свой предметъ.

Занимаясь въ первыхъ трехъ классахъ, онъ весьма много развивалъ наши умственные способности и такимъ образомъ подготовлялъ насъ къ изученію и усвоенію серьезныхъ и трудныхъ предметовъ. Онъ, можно сказать, первый сѣялъ въ насъ сѣмена науки. И эти сѣмена не исчезали, а глубоко ложились въ насъ и росли благодаря его же трудамъ и стараніямъ.

По отношенію къ воспитанникамъ, онъ всегда былъ снисходителенъ и добръ, но въ то же время строгъ и требователенъ въ отношеніи къ исполненію ученическихъ обязанностей. Удивительно, какимъ образомъ эти двѣ противоположныя черты характера могли совмѣститься въ одномъ лицѣ? Благодаря этому, нашъ дорогой наставникъ умѣлъ заставить трудиться своихъ питомцевъ и въ то же время не употреблялъ насилія для достиженія своей цѣли. Словомъ, — онъ хорошо зналъ, когда и гдѣ нужно быть строгимъ и взыскательнымъ и когда добрымъ и снисходительнымъ. Такъ, на экзаменахъ онъ являлся строгимъ цѣнителемъ ученическихъ отвѣтовъ, но съ нами же выѣсть по цѣлымъ часамъ толковалъ объ улучшеніи нашего положенія; заботился о насъ и помогалъ намъ не только словомъ и наставленіемъ, но и дѣломъ. Бывали случаи, когда воспитанникъ, почему либо выходя изъ семинаріи и обязанный возвратить ту или другую вещь, не могъ сдѣлать этого по недостатку своихъ средствъ; тогда нашъ добрый наставникъ готовъ былъ заплатить за него собственныя деньги, чтобы тѣмъ самымъ избавить его отъ обязательства.

Такая доброта, такая отеческая любовь не могла не вызывать сочувствія со стороны воспитанниковъ и, дѣйствительно, онъ всегда пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ воспитанниковъ.

Но теперь лишились мы своего дорогаго наставника! Гдѣ же онъ?! Онъ предъ нашими глазами, но не слышимъ мы отъ него слова наставленія! Нѣтъ, — прилинь языкъ его къ гортани, сомкнулись на вѣки его уста и глаза! Онъ умеръ!... умеръ въ такихъ лѣтахъ, когда его крѣпкое здоровье и силы находились въ періодѣ полного своего развитія; умеръ при обстоятельствахъ неожиданныхъ, оставивъ супругу и юныхъ дѣтей, которые находили свою опору только въ немъ. Все онъ оставилъ: и дружбу, и радость, и долгъ, и званіе!

Велика и тяжела потеря для всѣхъ насъ! Но несравненно тяжелѣе потеря для родственниковъ, а тѣмъ болѣе для супруги, которая, оставшись сиротою, безъ пріюта, съ юными дѣтьми пришла воздать послѣдній долгъ своему другу, пришла въ послѣдній разъ взглянуть на него и затѣмъ разстаться съ нимъ навсегда.

Да, не вознаградима потеря для васъ—дорогихъ сердцу покойнаго! Но Господь не дастъ завлечь вамъ, подобно цвѣтку отъ зноя! Любвеобильный Богъ не покинетъ васъ сиротъ, не оставитъ на произволь судьбы; къ Нему обращайтесь, у Него просите для себя утѣшенія. Онъ есть пристанище для всѣхъ скорбящихъ.

Что же я скажу тебѣ, дорогой нашъ наставникъ, почившій непробуднымъ, вѣчнымъ сномъ? Теперь я не стану убѣждать тебя, что бы ты былъ покоенъ;—ты уже покоившись покоемъ вѣчнымъ и безмятежнымъ. Позволь же мнѣ, дорогой нашъ наставникъ, принести тебѣ глубокую и искреннюю благодарность отъ лица всѣхъ воспитанниковъ семинаріи за твою великую и неоцѣненную заслугу для насъ въ дѣлѣ умственного и нравственного образованія. Память о тебѣ не умретъ въ сердцахъ нашихъ, а будетъ жить и жить до тѣхъ поръ, пока тотъ же общій жребій человечества не падетъ и на нашу долю. Да вселитъ тебя Господь въ недраха Авраама, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безкопечная.

Воспитанникъ VI класса **Василій Захаровъ.**

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная на могилѣ предъ литією.

Что за причина нашего необычнаго и такого разнообразнаго собранія вокругъ тебя, дорогой нашъ наставникъ? Унылый и погруженный въ думы видъ каждаго изъ насъ, трогательное пѣніе и это траурное облаченіе священнослужителей внятно говорятъ, что не для радости собралъ ты насъ вокругъ себя? Какъ твои ученики мы собрались сюда сказать послѣднее „прости“ и проводить тебя, любимаго и уважаемаго нами, къ этой могилѣ, которая скоро навсегда видимо разобъединитъ насъ съ тобою и прекратитъ наши взаимныя отношенія.

Свободно и легко говорится, когда собираетъ насъ жизнь въ минуту дружеской бесѣды, среди счастливаго настоящаго и отрадныхъ мечтаній о будущемъ

но когда собираетъ насъ около себя смерть, смерть челоѣка близкаго къ намъ по духу и крови, по чувствамъ любви и расположенію, тогда самое гибкое слово замираетъ на устахъ, на время останавливается все движеніе души и жизни. И это отъ того, что слишкомъ близко чувствуется присутствію смерти, которая напоминаетъ намъ о себѣ не книгою, которую можно положить и нечитать, педокучливымъ старческимъ разговоромъ, котораго можно и неслухать, ни отдаленнымъ звономъ колокола, который на мгновение только потрясаетъ наши нервы, нѣтъ; а самую дѣйствительностію, навѣвающею на душу сильную скорбь и производящею въ умъ тяжелыя думы.

Вотъ предъ нашими глазами лежитъ нашъ наставникъ, призванный изъ высшей обители наукъ знакомить наши юныя умы сначала съ тѣми формами, въ которыя облекаются мысли и съ произведеніями богатой русской литературы, а потомъ излагать и самые законы челоѣческаго мышленія. Довѣзательствомъ его истинной любви къ своей обязанности и добросовѣстному выполненію своего дѣла, было его постоянное приспособленіе къ нашимъ еще незрѣлымъ понятіямъ, простиравшееся дотакимъ степени, что одна изъ этихъ наукъ—тяжелая для юношескаго пониманія, дѣлалась въ его словахъ понятною для насъ и многими отчетливо усвоена на всю жизнь. По этому онъ принадлежитъ къ кругу наставниковъ добросовѣстно проходящихъ свою обязанность, какъ по сознанію своего начальства, такъ и по чувству воспитанниковъ. Съ малыхъ лѣтъ пріученный честно исполнять свою обязанность, онъ былъ столь неутомимъ, что даже не бросалъ дѣла и въ часы отдыха, который необходимо нуженъ послѣ трудовъ. И труды покойнаго не остались безплодными. Изъ его воспитанниковъ вышло очень много лицъ, которые съ честію проходятъ поприще служенія св. церкви и обществу не только въ предѣлахъ здѣшняго, астраханскаго края но и внѣ онаго. Мы думали, что ты будешь передавать свои званія и тѣмъ которые поступятъ въ эту школу послѣ насъ, но чтоже? Все наши планы и надежды рухнули! Ты заболѣваешь, ложишься на смертную постель и теперь—во гробъ..... Но мы вѣруемъ, что наступетъ нѣкогда то время, когда вострубитъ труба и мертвые возстанутъ, и тогда мы увидимся опять и начнемъ жить, дай Богъ, вмѣстѣ новою и совершеннѣйшею жизнію.

Иди же съ миромъ дорогой нашъ наставникъ. Школа ваша никогда не забудетъ тебя въ своихъ молитвахъ и воспоминаніяхъ. Миръ праху твоему

въ нѣдрахъ сырой земли и вѣчный покой души твоей въ обителяхъ Отца Небеснаго.

Покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего!....

Воспитаникъ VI класса **Илья Пальмовъ.**

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная предъ опусканіемъ тѣла въ могилу.

Грустный, тяжелый и печальный случай собралъ плачъ насъ къ этому мѣсту упокоенія... Это—неожиданная смерть одного изъ полезныхъ труженниковъ на поприщѣ образованія юншества, смерть нашего наставника Михаила Лукича. Никакая утрата въ жизни не производитъ въ насъ такой скорби, какъ смерть близкаго намъ человѣка. Гибнетъ богатство, въ болѣзняхъ истощаются жизненные силы, разлетаются тѣ или другія мечты, рушатся самые вѣрные расчеты, измѣняется дружба,—но остается человѣкъ и въ его сердцѣ есть хоть лучъ надежды найти со временемъ врачество отъ той, или другой утраты. Но при видѣ гроба и жертвы смерти исчезаетъ всякая надежда на возвратъ: пойдутъ обычной чередой дни и мѣсяцы, пронесутся годы, а жертва смерти уже не возвратится къ этой жизни: сколько ни зови, ни плачь осиротѣвшая семья и знающіе почившаго, а умершій уже не пробудится въ этой жизни, не утѣшитъ тебя словомъ и дѣломъ, не будетъ дѣлать горе и радость этой жизни.

Да! тяжело намъ всѣмъ расставаться съ тобою, дорогой наставникъ, Михаилъ Лукичъ, расставаться въ такое время, когда твоя честная и благородная дѣятельность, твоя помощь были бы для насъ необходимы. Но чтоже дѣлать? Не роптать же на Бога!? Его судьбы—неисповѣдны! Ты, до самой смерти посѣщавшій нашъ храмъ науки, гдѣ каждый день мы слышали твой голосъ, твои полезныя бесѣды, ты—лежишь теперь бездыханенъ во гробѣ! Неумолимая смерть на вѣки закрыла твои глаза; сомкнутыя уста твои болѣе не будутъ поучать насъ собственной нашей литературѣ, не будутъ излагать намъ и правилъ для правильнаго мышленія. Ты всю жизнь свою посвятилъ образованію молодого поколѣнія, имѣя въ виду единственную цѣль въ жизни—принести пользу обществу: для этого ты прошелъ всѣ степени духовнаго образованія и неутомимо трудился въ должности наставника около 13 лѣтъ. За этотъ твой трудъ, за твои мудрые, полные житейской опыт-

ности, планы и совѣты, за твои намъ уроки, за твою вѣжливость, привѣтливость, за твое добродушное и снисходительное отношеніе къ намъ — духовнымъ воспитанникамъ, мы просимъ тебѣ у Бога вѣчной памяти и небеснаго царствія.

Но не одни мы, духовные воспитанники, пришли отдать тебѣ послѣдній долгъ... Пришли на это мѣсто упокоенія, къ этому твоему новому жилищу, сказать тебѣ послѣднее „прости“ и воспитанницы того заведенія, гдѣ ты тоже преподавалъ исторію литературы; съ которыми ты также дѣлился своими свѣдѣніями, пришли помолиться Богу, чтобы Онъ даровалъ тебѣ царство небесное за твое простое отношеніе къ нимъ и полезное для нихъ преподаваніе. А съ какимъ сожалѣніемъ, съ какимъ соболѣзнованіемъ сердца, съ какою душевнымъ волненіемъ, даже плачемъ встрѣтили онѣ, да вообще и мы всѣ — вѣсть о твоей кончинѣ? До послѣдней минуты мы и вѣрить не хотѣли, что болѣе не увидимъ дорогаго наставника Михаила Лукича, который собрался теперь въ тотъ далекій путь, по которому болѣе уже не возвращаются сюда.

Скоро крышка гроба и нѣсколько кусковъ земли на вѣки закроютъ тебѣ отъ насъ: ты уже покончилъ всѣ расчеты съ земною жизнью; ты окончилъ плаваніе по житейскому морю, полному бурь и несчастій и достигъ тихаго пристанища. Да! тебя не стало, но память о тебѣ всегда будетъ жить въ сердцахъ благодарныхъ твоихъ почитателей.

Придите же къ этому гробу всѣ знающіе и незнающіе почившаго, придите, дайте послѣднее цѣлованіе умершему и скажите ему послѣднее: „прости“. Вѣдь еще нѣсколько минутъ и этотъ бездыханный трупъ уже будетъ здѣсь — въ объятіяхъ сырой и холодной земли, а бессмертная душа его уже давно въ обителѣ Отца Небеснаго.

Помолимся же всѣ объ упокоеніи души усопшаго раба Божія Михаила въ мѣстѣ свѣтлѣ, златѣ, покойнѣ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни дыхания, но одна безконечная жизнь.

А Ты, Милосердый Господи! со святыми упокой душу усопшаго раба Михаила и сотвори ему вѣчную память.

Воспитанникъ V класса Иванъ Лѣтницкій.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ официальный: 1) Разныя извѣстія. Перемѣненіе, исключеніе изъ списковъ и праздныя мѣста. **Отдѣлъ неофициальный:** 1) Некрологъ Михаила Лукича Кустодіева. 2) Рѣчь на погребеніи преподавателя Семинаріи М. Л. Кустодіева. 3) Поученіе произнесенное во время заупокойной литургіи за причастнымъ стихомъ. 4) Рѣчь произнесенная послѣ заупокойной литургіи, предъ началомъ отпѣванія. 5) Рѣчь произнесенная послѣ прощанія съ покойнымъ, предъ выносомъ тѣла изъ храма. 6) Рѣчь произнесенная на могилѣ предъ литією и 7) Рѣчь произнесенная предъ опускаемъ тѣла въ могилу.

Редакторъ Я. Лебединскій.

Азволено цензурою. 3 ноября Астрахань 1879 г.

Губернская Типографія.